

Можем ли мы считать профессионалом человека, который попустился морально-этической стороной своей деятельности в момент достижения результата? Определяется ли профессионализм только своим положительным результатом без рассмотрения этических вопросов его достижения или понятия морали, нравственности, долга, которые, если не отвергаются, как факторы, мешающие успешной деятельности, то удачно «замалчиваются», «вытесняются» из области рассмотрения их ограничивающей составляющей, как препятствия на пути к поставленным задачам? Как происходит подобный выбор? Является ли этот выбор только интеллектуальным актом или он более сложен? И разве не часто в ситуации «экзистенциального» выбора происходит так, что между актом ответственности субъекта и проблематикой его поступка обнаруживается противоречие? Какая же мировоззренческая позиция будет в этом случае подлинной?

К рассмотрению выше поставленных вопросов предлагается подойти не со стороны общеизвестных моральных норм и этических правил, описанных в религиозно-философской пропедевтике, но с постановки искомого вопроса о том, что же лежит в основе того трансгрессивного шага, который субъект намеревается совершить в сторону того или иного выбора, не выходя за границу этических компонентов деятельности в частности и жизни в целом.

Помимо основных известных моральных принципов, зафиксированных в рабочем кодексе, являющихся базисом анализа психотерапевтического дискурса, нужно учитывать следующее: формирование нравственно-этического дискурса происходит путем группировки изначально автономного множества философски выведенных понятий, которые приведены к неким точкам соприкосновения и понимаются как Мировоззрение. Буквально как позиция субъекта смотрящего сквозь «очки», ограничивающие смотрящего невидимыми законами высших ценностей, идеалов, платоновских эйдосов, формирующих понимание и отношение субъекта к возникающим ситуациям.

В нашем примере ситуации терапевтического взаимодействия между аналитиком и клиентом, учитывая, что клиент, исповедующий данные принципы, не всегда исповедует их «от своего имени», а имеет статус субъекта деятельности, движимый той формой дискурса, в которую он попадает. Притом что данная форма, которая означена конкретным поступком как нравственная,

детерминирована ядром устойчивых смыслов привнесенных культурой, связь которых и определяет степень деятельности с позиций моральных законов. Из подобных ожиданий, негласного согласия, например между аналитиком и клиентом, и происходит то понятие, которые мы называем Преконструктом, то есть именно теми рамками терапевтических отношений, которые характеризуют обоюдно направленные ожидания, подкрепленные личностно-смысловыми мотивами, активирующимися в процессе вербального общения и межличностных оценок. Эта типичная ситуация, в которой оба субъекта деятельности (обоюдной работы) становятся соединенными невидимой связью (реализующейся в форме трансфера), связью ожидания, покрытой тканью тех принципов, соблюдение которых, словно ритуал, дает ключ к началу анализа. Здесь мы можем говорить о Сокрытости, которая под очевидностью предписаний и правил, сформированная как совокупность очевидностей, дающей путь к Смыслу, парадоксальным образом проявляется в отчужденности между Смыслом, произведенным в действиях-речи, и его субъектом. Данное действие можно описать как перифраз, то есть иносказание.

Именно иносказание является тем главным признаком присутствия Другого (*autre*), который незримо, подобно самопознающему Супер-эго, определяет те нормы и правила, в соответствии с которыми субъект осуществляет деятельность под предлогом высших ценностных образований, в свою очередь, придающие значимость субъекту и вносящие равновесие в ситуацию. Все это окрашено Иллюзией, посредством которой субъект становится, как он думает, источником смысла, негласно соблюдая предписания, которые он, возможно, и не соблюдает. Собственно говоря, подобная Иллюзия порождена двойным вытеснением: сначала субъект забывает, что смысл формируется посредством данной ситуации, для которой правила могут быть иные. Затем, он забывает о разделении субъективного с привнесенным, которые, словно триггер, актуализируются для стандартной ситуации, для совершения правильных действий, поступков. В подобных случаях можно применить высказывание «*credo quia absurdum est*», что полностью соответствует субъекту, который руководствуется тем же смыслом, который для него неведом.

Для прояснения морального отношения, которое, подобно эйдосу, не принадлежит никому, но все пользуются ее копией по своему усмотрению, следует прибегнуть к гегелевскому логическому аппарату. Отталкиваясь от того, что понятие (морали) имеет свойство по тому, как оно проявляется (субъективно), но в тоже время соотносится со свойством узаконенной данностью (императив), можно сказать, что

понятие имеет свойства и есть сами эти свойства, так как они ей принадлежат. Свойства, обуславливая друг друга, представляют собой Проявление (*die Entäußerung*), которое и скрывает и открывает проявляемое, так как внутренний принцип понятия открывается в отношении ее свойств, в нашем случае, в отношении осуществленных действий, в котором действие есть и окончательное, то по которому мы можем судить, и то, за результатом которого оно прячется, так как оно есть всегда нечто иное, чем принцип которым мы руководствуемся. Следовательно, совершенное проявляется для нас как Явление (*буквально как гегелевская Видимость - scheinen*), связующее два искомых принципа (скрытый и внешний), а видимость сущности, есть ее снятие в непосредственности. В этом случае моральный принцип не находится за явлением, но так как он существует, то существует и явление. Соответственно, познавая моральный поступок как явление, мы познаем его сущность, отталкиваясь от которого мы можем руководствоваться в при вынесении суждения. Поступок, осуществленный в реальности, говорит нам, что есть не только внешние отношения, но и тот принцип целостности, за который нам следует проникнуть (пример закона природы, который независимо от своего открытия существует до своего обнаружения).

Внешний поступок в реальной жизни (то, что соткано из представлений, лакановское Воображаемое) открывается в Явлении, которое мы видим в этой системе отношений, где оно предстает как отношение с самим собой, посредством которого раскрывается принцип основы основ, единого изначального содержания. Тогда как отношения друг к другу различий в проявлении (морального поступка), предстают как внешняя форма, та формальная структура, которая отличается от принципа изначальной целостности, того Закона, охватывающего взаимоотношения принципов друг к другу.

Соответственно, именно из подобных позиции, как со стороны аналитика по отношению к клиенту, так и наоборот, мы можем попытаться выявить ту границу, которая отделяет фантазм под прикрытием морали от понимания у клиента, и трансфер, скрывающийся за «знанием» у аналитика. Ведь, перефразируя Спинозу, истинное Знание — не награда за добродетель, а сама добродетель; не потому мы наслаждаемся знанием, что обуздали свои страсти, а наоборот, наслаждение знанием делает нас способными обуздать их.

Дополнительная литература:

1. Lacan J. The four fundamental conceptions of psychoanalysis. — Harmonds worth: Penguin books, 1979.

2. Althusser, L. Freud and Lacan // Lenin and Philosophy and Other Essays. London: New Left Books, 1971.
3. Lacoue-Labarthe, P. 'On Ethics: A propos of Antigone', Journal of European Psychoanalysis, V. 3-4, 1997.
4. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М.:Наука, 1980.
5. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В трех томах. Т.1. М.:Мысль. 1970.
6. Кант И. Сочинения в шести томах. Т.3. М.: Мысль, 1964.
7. Эрих Фромм. Искусство любви: Исследование природы любви. В серии: Новое в жизни науке, технике. Философия и жизнь. Вып. 1. М., 1990.